

Генеральная Ассамблея

Distr.: General

30 June 2016

Original: Russian

Семидесятая сессия

Пункт 72(а) повестки дня

Поощрение и защита прав человека:

осуществление документов по правам человека

Письмо Временного поверенного в делах Постоянного представительства Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 24 июня 2016 года на имя Председателя Генеральной Ассамблеи

Настоящим имею честь препроводить Вам выступление представителя Российской Федерации в ходе тридцать пятого совещания государств — участников Международного пакта о гражданских и политических правах по пункту повестки дня совещания, озаглавленному «Прочие вопросы» (см. приложение).

Буду признателен Вам за распространение настоящего письма и приложения к нему в качестве документа семидесятой сессии Генеральной Ассамблеи по пункту 72(а) ее повестки дня.

(Подпись) П. Ильичев
Временный поверенный в делах

**Приложение к письму Временного поверенного в делах
Постоянного представительства Российской Федерации
при Организации Объединенных Наций от 24 июня 2016 года
на имя Генерального секретаря**

**Выступление представителя Российской Федерации 23 июня
2016 года на тридцать пятом совещании государств —
участников Международного пакта о гражданских
и политических правах по пункту его повестки дня,
озаглавленному «Прочие вопросы»**

Хотели бы воспользоваться возможностью, чтобы прокомментировать отдельные аспекты деятельности Комитета по правам человека. На примере собственного опыта мы убедились, что договорные органы, в данном случае Комитет по правам человека, отходят от выполнения своей основной задачи по оказанию содействия государствам в выполнении ими своих обязательств по Международному пакту о гражданских и политических правах, в частности в аспекте создания и укрепления национального потенциала в области поощрения и защиты прав человека.

Наше взаимодействие с Комитетом в марте 2015 года в ходе рассмотрения седьмого периодического доклада Российской Федерации о выполнении положений Пакта выявило ряд системных проблем.

К сожалению, в отличие от других договорных органов в данном Комитете существует весьма неоднозначная практика, при которой имя докладчика и содокладчика по рассматриваемой стране является закрытой информацией. О каком конструктивном и открытом диалоге между экспертами Комитета и «отчитывающегося» государства может идти речь при таком подходе? Поскольку главным инструментом подбора докладчиков является, по сути, самовыдвижение, складывается ситуация, когда среди них доминируют представители одной региональной группы, что представляется по меньшей мере странным.

Вызывает немало вопросов методология работы Комитета. Так, за сессию до рассмотрения соответствующего периодического доклада (т. е. за два-четыре месяца) Комитет составляет список дополнительных вопросов по этому документу, после чего не менее шести недель уходит на подготовку Секретариатом их перевода. Таким образом, у «отчитывающегося» государства не остается достаточно времени для подготовки субстантивных ответов, что очевидно не соответствует цели конструктивного диалога Комитета с заинтересованным государством.

Хотели бы вновь привлечь внимание к пункту 16 резолюции 68/268 Генеральной Ассамблеи об укреплении функционирования системы договорных органов, касающегося ограничения объема документации в ходе рассмотрения периодических докладов. На фоне жесткого контроля, который осуществляется за государствами на предмет недопущения превышения ими установленных лимитов на предоставление информации, количество вопросов, задаваемых экспертами, и степень их детализации по-прежнему остаются практически неограниченными. Кроме того, непропорционально распределяется время в ходе самой «защиты» доклада. В общей сложности экспертам выделяется порядка

двух часов для постановки вопросов, а делегации остается в среднем лишь два с половиной часа для ответов. При этом, как показал наш последний опыт общения с Комитетом в марте 2015 года, экспертов активно интересовали некоторые события начиная с 2000 года, которые уже дважды были предметом обсуждения в Комитете при рассмотрении предыдущих докладов.

Неоднозначным представляется и принцип взаимодействия Комитета с представителями гражданского общества накануне «защиты» национальных докладов. Непонятно, чем обусловлен закрытый формат встреч экспертов Комитета с неправительственными организациями, тогда как другие комитеты встречаются с ними открыто.

В целом у нас сложилось впечатление, что многие заключения и рекомендации были сделаны экспертами Комитета «под копирку» и не имеют отношения к реальному положению дел в нашей стране. Так, после рассмотрения седьмого российского периодического доклада в заключительные замечания были включены вопросы и озабоченности Комитета, которые не звучали непосредственно в ходе диалога с делегацией. Тем самым Комитет по правам человека сам опровергает тезис о том, что заключительные замечания являются результатом его диалога с государством.

Отдельно хотели бы прокомментировать выработанную Комитетом так называемую процедуру последующих действий. Ничем не оправданным представляется утяжеление работы Комитета, включая дополнительные затраты времени, за счет межсессионной переписки с государством относительно хода выполнения заключительных замечаний — не говоря уже о том, что данная практика ложится на государства дополнительным бременем, которое не предусмотрено положениями Пакта.

В заключение хотели бы рекомендовать Комитету более рационально использовать выделяемое ему время на проведение заседаний. К сожалению, в своей работе договорные органы зачастую дублируют друг друга. В ходе «защиты» российского доклада в марте 2015 года в наш адрес было сформулировано значительное количество рекомендаций, которые являются сферой ответственности других комитетов, в частности Комитета по ликвидации расовой дискриминации, Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Комитета против пыток.

Со своей стороны, готовы к продолжению обсуждения методов работы Комитета как с самими экспертами договорных органов, так и с другими государствами. Убеждены, что такой диалог будет способствовать повышению уровня доверия между государствами-участниками и договорными органами, а также совершенствованию деятельности данных контрольных механизмов в целях улучшения ситуации с выполнением обязательств по основным международным договорам в сфере прав человека.